Я обратил нх вннманне. Но я протестовал однн. У вас скоро будут товаркн. С пятнадцатого на проверке будут работать четыре женщины. Одна здесь, другне — ннже. А ваш брат поднnмается в красильный.

— Люсьен? Почему?

— Шеф, — сказал подошедшнй Мюстафа, — а я? Мне что подкннулн?

— Тебе ннчего, — засмеялся Жнль. — Делай хорошо то, что делаешь.

Арезки помрачнел. Он прнцепнлся к Жнлю, н онн долго спорнлн. Машнны проходнлн. Я отметнла: «Не хватает зеркала».

— Ну и пусть, — сказал Арезкн, возобновляя работу, — премия накрылась.

На четырнадцатый день была получка. Бернье прннес конверты. Каждый прекращал работу на несколько секунд, чтоб проверить сумму. Некоторые обращалнсь к Бернье с протестамн. Он отсылал нх к начальннку цеха.

Почему я не ушла тогда. Я не решалась потребовать у Люсьена долг. А от получкн, еслн вычесть стонмость билета, оставалось только на несколько дней пропнтання. В пнсьмах к бабушке я говорнла об экономнн, заработках, прнемннке... Ладно, поработаю еще две неделн. Может, за это время Люсьен отдаст мне что-ннбудь. Буду экономить...

В ожнданнн автобуса я думала обо всем этом. Получка, засунутая на дно сумкн, меня разочаровала. Столько уснлнй, так мало денег. Я выбралась нз очередн н пошла по бульвару к площадн Италнн. Из таксн вылезла женщнна. Я подбежала к машнне н рухнула на сnденье.

Огненные снопы моста Насьональ, заводскне трубы, преображенные заревом горнзонта, Париж, открывающнйся из прнгорода, пожарнще лнтейных заводов н гнгантскне цнстерны, вспарывающне ночное небо, низкое, бархатнстое, точно подвешенное на уровне фонарей. И всем этнм я наслаждалась, снדя в такси, развалясь, мечтая, чтоб машнна двигалась как можно медленней, чтоб улнчные пробкн продлнлн этот праздннк.

Вечером я разделась н помылась с ног до головы, надела ночную рубашку, шерстяную кофточку н устронлась на кроватн. Я ощутнла полное блаженство. Сурово подсчитала свои ресурсы. Это — на еду, это — за комнату. Пять тысяч франков я спрятала, положнв начало сбережениям.

По утрам от шума н усталостн у меня часто мучнтельно болела голова. Я купнла аспнрнн н взяла за привычку часов в девять, когда затылок налнвался тяжестью, проглатывать таблетку. Я купнла также флакончик лаванды н время от временн вдыхала ее. Я сложнла все это в картонную коробку, напнсала: «Э. Летелье» н спрятала ее в уголочек.

Однажды утром Арезки отложил свои инструменты и направнлся к пюпитру Бернье. Немного погодя он вернулся н продолжал закреплять болты, но лнцо у него перекоснлось. Мы ннкогда с ннм не разговарнвалн. Мюстафа подошел ко мне н сказал:

— Он болен, не может работать.

— Пусть попроснт разрешення выйти, пойдет в медпункт.

— Шеф не пустнл.

— Что у вас болнт? — обратнлась я к самому Арезкн.

— Голова. Я не вnжу зеркал.

Я броснла машнну н стала нскать Бернье. Он как раз направлялся к нам.

— Мосье, — сказала я, — тут однн рабочнй заболел. Он не может работать.

— Кто? — спроснл он с жизнерадостной улыбкой

— Тот, который ставнт зеркала. Арезкн.

— Ну н что? — спроснл он весело.

— Ему бы надо пойтн в медпункт.

— Конечно, все онн хотят в медпункт. Раньше онн проснлнсь в туалет. Не волнуйтесь за него, мадемуазель.

Он похлопал меня по руке.

— Я больше не даю талонов на выход. Так прнказано. За исключеннем несчастных случаев нлн уж еслн кто-ннбудь грохнется на пол. Остальные — снмулянты, жулнкн. Знаю я их.

— Но это бесчеловечно.

— Потнше, потнше, мадемуазель Летелье, — сказал он, теряя улыбку. — Отправляйтесь на свое место, и пусть это вас не волнует.

Я вернулась на конвейер разозленная, наскоро проверила две машнны и пошла искать Арезкн. Он медленно прнкручнвал рычагн, а Мюстафа ставнл вместо него зеркала.

— Вы все еще плохо себя чувствуете?

Мюстафа ответнл утверднтельно.

— Хотнте таблетку? — прокричала я.

Арезки поднял голову.

— У вас есть?

Я принесла ему две таблеткн.

— У туннсцев есть молоко, — сказал Мюстафа. — Пойдн...

Арезкн взял таблеткн н вылез нз машнны. Мюстафа закрепнл свою реборду всего в несколькнх местах н побежал к следующей машнне, прнкрутнл зеркало, рычаги, кинулся к другой, стоявшей выше по конвейеру, чтоб прнколотнть уплотннтель.

Я проверяла панель прнборов, когда Арезкн, наклонясь ко мне, сказал спаснбо.

— Полегчало?

— Нет, но скоро пройдет.

Попозже он подошел сказать мне, что стало лучше. В полдень он прннес мне тампон, смоченный в бензнне, чтоб вытереть пальцы. Я поблагодарила его, тронутая. Мы пожелали друг другу «приятного аппетнта» и в конце дня — «всего доброго, до завтра».

У него было красивое суровое лицо, я перед ним робела. Он казался не таким молодым, как все остальные.

На следующее утро я нашла в своей коробочке рожок, завернутый в папиросную бумагу. Я позвала Мюстафу.

— Это ваш?

Он покачал головой и, так как я не поняла, сказал:

— Арезки положил для вас.

Арезки, по обыкновению, опережал меня. Когда мы встретились, я спросила его, как раньше Мюстафу:

— Это ваш?

— Нет, ваш.

Подошедший Мюстафа сказал мне:

— Это за вчерашние таблетки.

— За таблетки? Возьмите его обратно.

— За дружбу, — сказал Арезки, глядя на меня.

Я разделила рожок на три части и протянула по куску каждому из них.

— Спасибо, — сказал Арезки, — я не ем по утрам.

— А я ем, — сказал Мюстафа.

Его хищный взгляд рассмешил нас. Как раз в этот момент Жиль просунул голову в заднее окошко. Он удивленно поглядел на меня. Я смешалась, подобрала свою планку и быстро встала. Но он уже ушел. Арезки заметил мое смущение.

Через несколько минут Мюстафа обратился ко мне:

— Мадемуазель Лиз, нет ли у вас еще таблетки? У него тоже болит голова.

Это был Мадьяр. Говорить они не могли, но объяснялись жестами, понятными только для них двоих.

На следующий день я опять нашла в своей коробке рожок. Мюстафа, следивший за мной, поощрительно сказал:

— Ешьте, ешьте.

— Это опять?..

— Да, — сказал он.

Вылезая из машины, я столкнулась с Арезки.

— Послушайте... — начала я.

Но он, улыбаясь, покачал головой и не остановился.

Немного погодя я опять встретилась с ним. Он обсуждал что-то с Мюстафой. Они говорили по-арабски, но мне показалось, что разговор идет обо мне.

Ближе к вечеру, когда я проверяла фары, я встретилась взглядом с Арезки, сидевшим на корточках внутри машины. Смутившись, мы стали избегать друг друга, но ритм конвейера нас поневоле соединял.

Иногда по вечерам передо мной возникало лицо Арезки, это доставляло мне такую радость, что я часто думала о нем.

Мы не говорили друг с другом о себе. Предлогом для всех наших бесед был Мюстафа. Из робости мы предпочитали такой способ общения. Мюстафа совершал и говорил столько глупостей, что недостатка в сюжетах мы не испытывали. Да и много ли скажешь в гуле, когда приходится кричать, непрестанно перескакивая из машины в машину?

Каждое утро я находила в моей коробке какое-нибудь лакомство. Я не отказывалась, думая о радости, которую испытывал Арезки, когда покупал и клал свой подарок.

Я делилась с Мюстафой, нетерпеливо ожидавшим эту минуту.

Однажды явился Доба и обвинил Мюстафу в том, что, плохо прибивая свои реборды, он рвет пластик на потолке машины. Мюстафа возражал, кричал, потом схватил Доба за воротник куртки. Тогда Арезки выскочил из машины, оттянул Мюстафу от Доба. Арезки был явно недоволен. Он что-то говорил Мюстáфе, угрожающе жестикулируя.

— Он обозвал меня ратоном!

— Ну и что? — спросил Арезки. — Ты не можешь слышать этого? А твои отец и мать, что приходится им выслушивать дома?

Я вмешалась, сказала, что рабочий-расист, обзывающий другого ратоном, — это позор.

Арезки засмеялся и покачал головой.

— Если ты этого не можешь вынести, — сказал он Мюстафе, — как ты вынесешь все остальное?

— Скажем профоргу, — предложила я.

Мюстафа сделал неприличный жест. Но мы уже потеряли слишком много времени и все принялись за работу.

— Снег пойдет, — сказал Мюстафа.

Он склонился к Мадьяру.

— Снег!

Тот поднял голову в мелких кольцах густых светлых волос. На прыщавом красивом лице была написана бедность, одиночество. Должно быть, его радует, когда Мюстафа с ним заговаривает.

Я влезла в машину, из которой выходил Арезки. Глядя в сторону, он бросил:

— Сегодня мой день рождения.

На несколько секунд я замерла от удивления, потом возобновила проверку. Мышцы, отказывавшиеся работать вначале, теперь подчинялись мне, но стоило непредусмотренному движению вклиниться в механическую последовательность, скрежетали, как старая лебедка. Хороший рабочий контролирует каждый жест и не делает ни одного бесполезного. Ритм не допускает болтовни, и если хочешь перекинуться несколькими словами, приходится одно движение ускорить, другое пропустить. Это удается, однако, ценой потери темпа. Человек бросает тебе, вылезая из машины, «сегодня мой день рождения», и ты за-

бываешь о панели приборов, потом настигаешь именинника в следующей машине и кричишь сквозь грохот молотов: «Поздравляю». Арезки поблагодарил меня улыбкой. В этот момент раздалось улюлюканье, столь громкое, что оно покрыло гул моторов. Мы все замерли. Марокканец, Мадьяр и Мюстафа соскочили в проход. Арезки обернулся ко мне:

— Женщины.

По цеху шел Жиль в сопровождении четырех девушек. С конвейера несся вопль. Мюстафа жестикулировал, кричал, Арезки, смеясь, показал мне на него.

Когда группа прошла, все возобновили работу, но Мюстафа, в крайнем возбуждении, бегал взад-вперед, влезал, вылезал, наконец машина увезла его.

Через минуту он вернулся и бросился к Мадьяру.

— Красивая женщина, — сказал он.

Его, казалось, не трогало, что он отстал. Мюстафа схватил Арезки за руку.

— Тут женщина, вот тут. Проверяет замки.

Он восхищенно присвистнул.

— Прекрасно, — равнодушно сказал Арезки.

Мне его ответ доставил удовольствие. Энтузиазмом Мюстафы я была несколько раздосадована.

В обеденный перерыв новенькие осваивали свои шкафы. Потом вышли пообедать. Остались только те, кто имел обыкновение перекусывать в раздевалке.

— Они ставят женщин на конвейер.

— Это не трудней остального.

— Молоденькие.

— Подожди, увидишь, как они будут выглядеть через несколько недель.

— Поработают наверху, вместе с алжирцами.

— Они собираются поставить женщин всюду, кроме красильного цеха.

Люсьен работал уже четыре дня в красильном. Я его с тех пор не видела. Я быстро поела и вышла в надежде его встретить. Никого не было. Холодный туман прогнал всех с улицы. Может, он в кафе?

Без десяти два я медленно направилась к цеху. Внимание, к счастью, было приковано к новеньким. Я увидела Люсьена. Он болтал с одной из девушек, которая поднималась по лестнице, держась за перила.

Я окликнула его, он живо обернулся.

— Я хотела повидать тебя, узнать, как твои дела. Тебя, говорят, перевели наверх.

— Дела идут, — вяло сказал он.

— Люсьен!

— Ну что еще?

— Когда я могу с тобой повидаться?

Казалось, он был раздосадован.

— Приходи в четверг вечером, — вздохнул он. — Анри должен мне кое-что принести.

Я добралась до своего участка. Мадьяр затягивал потуже ремень. Арезки был уже на м…

Четыре женщины прошли, держась под ру…

Самая молодая была очень красива. Она напом…

нила мне Мари-Луизу. За ними следовал Мюстафа, сделавший себе великолепную прическу.

Во второй половине дня Арезки несколько раз сердился, потому что Мюстафа мешал нам всем работать, шныряя туда-сюда.

— Поскольку сегодня мой день рождения, не пойдете ли вы вечером куда-нибудь со мной?

Я ничего не ответила. Он не отходил. Мадьяр извинился, что потревожил нас. Мы заметили, что стоим неподвижно на конвейере, и проскользнули вперед.

Три голоса спорили во мне. «Наконец-то», — говорил один. Другой возражал: «Как это? И где? А если люди...» А третий шептал: «Нет», — но то не был отказ. «Нет» выражало сомнение в том, что действительно случилось долгожданное, о чем мечталось годами. Скованный предчувствием, этот голос говорил: «Погоди...»

— Ну? — спросил Арезки, обращаясь к Мюстафе, который прихрамывал.

— Ух, хороша, хороша. Но не подъедешь.

— Брось, — сухо сказал Арезки. — Француженки не водятся со всякими бико[1].

Я приняла эти слова как вызов и, отвечая на него, спросила немного погодя:

— И сколько же вам исполняется?

— Тридцать один.

— Где ждать вас?

Он просиял. Спросил, какой дорогой я иду с завода, в каком районе живу. Но, не договорив, принялся работать, так как приближался Жиль. Он шел быстро, полы халата летели за ним.

Опускалась ночь, окна стали темными. Маленький марокканец опустил свой молоток и испустил «уф», потирая запястье. Арезки подошел ко мне, сделал знак, чтоб я слушала.

— Вы садитесь в автобус на углу? Там встретимся. Я влезу следом за вами, мы выйдем где-нибудь по дороге.

Я, наверно, продолжала проверять и после звонка. Какой-то рабочий, проходивший мимо, окликнул меня:

— Эй, вы, там, конец!..

В раздевалке была толкучка. Женщины приводили себя в порядок, громко разговаривая. Мимолетная радость, переменка. Внизу их уже ждало метро, дом, снова отчуждение, только в иной форме.

Я высматривала Арезки. Он еще не пришел. Я встала в очередь. Конец душевному покою. Теперь во мне бушевала буря, о которой я так долго мечтала. Неожиданно Арезки оказался рядом. Его вид удивил меня. На нем был темный костюм, белая рубашка, ни пальто,

---

[1] Презрительная кличка алжирцев.

ни какой-либо другой теплой одежды. Он молча встал позади, сообщнически мне подмигнув. Мимо нас прошел Лакдар, высокий алжирец, работавший на конвейере. Он окликнул Арезки.

— Ты куда это?

— Надо кое-что купить.

Наконец мы вошли в автобус, на площадке нас прижало друг к другу. Арезки не смотрел на меня. У Венсенских ворот нам удалось пройти вперед.

— Мы сойдем у ворот Лила, хорошо? Вы любите ходить?

— Прекрасно, — сказала я.

Мне становилось все более неловко, и молчание Арезки усугубляло мою скованность. Я прочла от первой до последней буквы «Правила», вывешенные автобусной компанией как раз над моей головой.

Арезки кивнул. Мы вышли. Я никогда здесь не была и сказала об этом Арезки, — все-таки тема для разговора. Перейдя площадь, мы вошли в кафе «А ла шоп де лила». Буквы на вывеске были ядовито-зелеными. У стойки толпилось много мужчин. Некоторые рассматривали нас. Столики были заняты. «Идите сюда», — сказал Арезки, мы протиснулись в левый угол, где оставалось несколько свободных стульев. Арезки сел напротив меня. Соседи уставились на нас без всякого стеснения. Я увидела себя в зеркале на колонне, посиневшую, растрепанную. Я подняла воротник пальто и в тот момент, когда я делала это, вдруг поняла, чем удивляю: я была с алжирцем. Понадобился чужой взгляд, выражение лица официанта, бравшего у нас заказ, чтоб я отдала себе в этом отчет. Меня охватило смятение, но Арезки глядел на меня, и я покраснела, боясь, как бы он этого не заметил.

— Что вы будете пить?

— То же, что и вы, — по-идиотски ответила я.

— Горячего чаю?

Арезки тоже чувствовал себя стесненно. Перед тем как выпить чай, я повторила дважды: «С днем рождения!»

Странно улыбнувшись, он стал меня расспрашивать. Я рассказала ему о нашей жизни с бабушкой, о Люсьене.

— Я думал, вы моложе его.

— Потому что я маленькая? Нет, мне двадцать восемь лет.

Он поглядел на меня с удивлением.

— Вы очень любите брата...

— Да, — сказала я.

И спросила его, есть ли у него братья, мать. У него было три брата, сестра, мать была еще жива. Он описал мне ее — пожелтевшую, как сухой лист, разбитую, как палый плод, почти ослепшую. Я подумала о бабушке.

Чтоб отвлечься, мы заговорили о Мюстафе.

— Походим немного? — спросил он.

Мы вышли. Бульвар Серюрье. Успокоительный мрак. Никто нас не видит. Озябшие люди торопятся домой.

Говорила я одна. Арезки слушал, соглашался, шагал, глядя перед собой. Несколько раз спросил, не устала ли я. Я искала, что может его заинтересовать. Рассказала о собрании на улице Гранж-о-Бель.

— Если вы станете ходить по митингам, — сказал он, — вы наживете себе неприятности.

Я прервала его. Рассказала об Анри, о Люсьене, об Индокитае, я сплетала мечты и реальность. Я не умолкала ни на минуту. Мы дошли до ворот Пантен. Он взглянул на часы.

— Вы не боитесь возвращаться одна? Восемь часов.

— Нет, конечно.

— Я вынужден вас здесь покинуть. Но я подожду, пока придет ваш автобус.

— А вы как поедете?

— Метро.

— У вас не бывает по вечерам неприятностей из-за полицейских проверок?

— Случается, — сказал он.

Мы подождали на остановке. Арезки, наверно, продрог. Он держался натянуто, руки в карманах, отсутствующий взгляд.

Когда подошел автобус, он вынул руку из кармана, протянул мне.

— Спасибо, — сказал он. — Вы очень любезны. До завтра.

Я вернулась усталая, голодная, недовольная.

На следующий день Арезки вел себя со мной как обычно. Я досадовала, что он не выказывает мне никаких знаков дружбы. Может, он разочаровался во мне? Однако я была рада, что в тот вечер никто не видел нас вместе.

В раздевалке я наблюдала за новенькими. В первый день они работали в сандалиях и бесцветных халатах. Но соседство мужчин возбуждало их кокетство. Одна принесла розовый халат, другая стала подбирать волосы блестящими заколками, третья надела туфли без задников, расшитые цветами.

Они приходили утром, намазанные, причесанные, и умудрялись в течение рабочего дня выкроить время, чтоб уединиться и подкраситься. Что-то в этом было большее, чем просто кокетство: самозащита, инстинктивное сопротивление, чтоб не опуститься на дно. Яркий лак чаще всего покрывал грязные ногти; бархотки пестрели в жирных волосах; пудра скрывала серый пот, выступавший на коже. Вижу, как сейчас, мою соседку по раздевалке, женщину лет тридцати пяти, некрасивую, морщинистую, вынужденную, согласно распорядку, носить выцветшую холщовую спецовку, но сохранившую и за рулем кары свои лодочки.

В этой вольере я чувствовала себя совершенно изолированной. Тем не менее я не из-

Мюстафа подошел к нам. Он что-то сказал Арезки, и оба они направились вверх по конвейеру. Как только раздался звонок, я кинулась в проход, но для вида остановилась возле Доба. Арезки опередил его на несколько метров.

— Ну что, пора пожевать?

— Да, но...

Я придумывала, что сказать.

— Я хотела поговорить с вами о брате.

— Со мной? — сказал он удивленно.

Арезки уже затерялся в потоке. Я поняла, что мне его не догнать.

Доба снял куртку и прицепил ее на гвоздь, на котором висели гигантские ножницы.

— Смотри, Мохаммед, не вздумай трогать.

На нем был гранатовый жилет ручной вязки поверх фланелевой коричневой рубашки, обрисовывавшей заметный животик.

— Так что ваш брат?

— Он не переносит краски. У него худо со здоровьем. Вы не можете попросить, чтоб его опять спустили сюда, к вам?

— Я? С этим следует обращаться к Жилю. Что я могу... Пусть поговорит с доктором или с профоргом.

— Эй, — закричал проходивший мимо наладчик, — вы чем тут занимаетесь на пару?

Доба засмеялся.

— Она рассказывает мне о своем брате. Он заболел в красильном и хотел бы переменить участок.

Наладчик перестал улыбаться.

— Сам виноват. Нечего было воду мутить, когда он работал с нами. А теперь они будут его там держать, пока он сам не уйдет.

Он остановился, поднес зажигалку к погасшей сигарете.

— Я пытался ему растолковать, — подхватил Доба. — Он молодой парень, не знает жизни. Я говорил ему, не возжайся с этими ратонами, не впутывайся в их истории, делай свою работу, не препирайся с начальством, здесь не место политике. Он меня и слушать не стал, перессорился со всеми, даже с профоргом. Они разругались вот здесь, в цеху, перед самым вашим появлением. Он задирается. Людям это надоело, начальству тоже. Он нежелательный элемент, слишком много спорит.

— Да, я понимаю. Простите, — сказала я, — я вас задержала.

— Пустяки! Надо урезонить его, это ваша обязанность. Ну, приятного аппетита.

Я толкнула дверь раздевалки. Женщины уже расположились, мое обычное место было занято. Я подошла к работнице, которая вытянула на скамье уставшие ноги.

— Простите, вы не подвинетесь чуть-чуть.

Она отодвинула ноги и, не обращая на меня внимания, продолжала разговаривать с товарками. Одна из них рассказывала о своем столкновении с бригадиром.

— Там, где я раньше работала, — заключила она, — было еще хуже.

У нее были приятные черты, но лицо портила густая сетка морщин у глаз.

— Зато там, по крайней мере, не было арабов, — добавила она.

Я покраснела, но никто не смотрел на меня.

Вошла Диди — девушка, напоминавшая мне Мари-Луизу. Не чертами лица, но спокойным, дерзким взглядом, походкой, сверкающими серьгами-кольцами, манерой затягивать рабочий халат широким черным лакированным ремнем, подчеркивая маленькие груди. Она попросила сигарету и ответила расспрашивавшей ее женщине, что длинный чернявый из красильного приглашал ее выпить кофе.

— Все они там чернявые, в красильном, — фыркнула одна из женщин.

Другие расхохотались. Там, наверху, почти все рабочие были негры. Девушка пожала плечами.

— Вы что же думаете, я пойду с негром?

— Подцепила же ты алжирца.

— Да ну его, — сказала она, — я ему в конце концов дам по морде. Станет передо мной и стоит, смотрит. Сегодня все утро улыбался мне.

— От них не отцепишься.

— Но этот чернявый из красильного мне в самом деле нравится.

— Без десяти, — сказал кто-то.

— Ну что ж, — вздохнула моя соседка, — произведем ремонт.

Она открыла пудреницу. Ее старательность шла вразрез с ироническим тоном.

Соседка сделала замечание Диди, что она держит раскрытой настежь дверь раздевалки.

— Я подстерегаю моего мальчика.

Ее пестрый халат, яркое лицо, кольца в ушах оживляли хмурый сумрак раздевалки. Вся эта мишура, которая в любом другом месте показалась бы кричащей, здесь, среди гнетущих серых стен, пробуждала жажду жизни. Я представляла себе, как притягивало мужчин каждое ее движение. Она бессознательно выставляла себя напоказ, как лакомство в витрине, но когда на нее устремлялись жадные изголодавшиеся взгляды, она уклонялась, обманывая ненасытные желания мужчин.

Я пригладила рукой волосы и вышла. Прозвонил звонок — перерыв кончился. Я побежала вместе с опаздывающими.

Стоило перешагнуть порог цеха, как на тебя обрушивались запахи и шумы, они хватали тебя в клещи и, как бы ты ни сопротивлялся, в конце концов перемалывали тебя. В особенности шумы. Моторы, молоты, станки, скрежещущие как пилы, и, через равные интервалы, грохот падающего железа.

Арезки посмотрел на меня один раз, да и то отсутствующим взглядом. День меркнул, остал-

ся только светлый отблеск вдоль стекол. Малеиький марокканец сказал: «Еще один миновал».

Арезки был далеко. Его ящик с нниструмеитами остался на полу в машнне, которую я проверяла. Я наклонилась, стала в нем рыться, почему-то вообразив, что он спрятал там записочку для меня. Ннчего не найдя, я вылезла расстроеиная. Машины опустелн, шум заглох. Утих грохот конвейера. Я узнала спину Арезки в толпе рабочнх, уже добравшнхся до двери. Он даже не попрощался со мной. Я еще надеялась встретить его на лестнице, потом у выхода, наконец — на остановке автобуса. Но так и не увидела. Вернулась я домой, чувствуя себя одинокой и несчастной.

Я поняла смысл выраженнй: «земля уходит из-под ног», «сохнет во рту», «сердце сжимается», — над которымн прежде смеялась. Всякнй раз, когда Арезки проходнл мимо меня, ограничиваясь тихнм «извнните», каждый раз, когда он упускал возможность остаться наедине со мной, я ощущала боль во всем теле.

Он являлся по утрам в сопровожденнн Мюстафы н туинсцев, которые занималнсь потолками. В полдень он прнсылал мне с Мюстафой вату, пропнтанную бензнном, тот пояснял, передавая тампон, но рассмешнть меня ему не удавалось. Арезки работал в стороне, опережая на несколько машнн ту, где находнлась я. По вечерам, становясь в очередь на автобусной остановке, я охотно пропускала вперед соседей в надежде оказаться с ннм рядом. Феерия моста Насьональ оставляла меня равнодушной, хотя мелкнй теплый дождик превращал в зеркало тусклую поверхность шоссе. От малейшей ерунды слезы наворачнвалнсь мне на глаза. Хотелось плакать от заголовков газет, от собственной непрнбранности, отраженной в стеклах, от пустячных неприятностей, в которые я вкладывала все свое расстройство. Ну, чего расстраиваться — убеждала я себя, когда рассудительность брала верх. Я скоро уеду. Вернусь к бабушке, к Марн, к комнате Люсьена. Теперь это моя комната, я все устрою по-своему.

Ворота Шапель. Я иду пешком к своему Дому Женщины. Дух ярмарки владеет улнцамн, прнблнженне рождества преобразнло внтрнны. Мясннкн, булочннки украснлн свои лавки электрнческнмн гнрляндамн, на стеклах огромные надписи белой краской возвещают сочельник. Все кругом пестрит, кричит, пылает. И я тронута, взволнована, возбуждена. Вспомнилаю: господин Скрудж, рождественские сказки Диккенса с их необъятными индейками, гигантскими пирогами. Господин Скрудж... Хорошее было время. Мне было трннадцать лет, Люсьену — шесть. Пнталнсь мы плохо н нндеек нккогда не вндалн. Бабушка нам нх опнсывала. Я чнтала вслух ей и брату. Он слушал меня, затаив дыханне. Поднимая глаза после каждого абзаца, я упивалась этим внимательным, сосредоточенным лицом. Мне льстило его вниманне, а меж тем оно относилось вовсе не ко мне — к вымыслу. В ослеплении своем я и втянулась в роль заботливой матери Люсьена. Интересно, помнит ли он еще господина Скруджа?

Едва захлопнув за собой дверь комнаты, я валнлась на узкую кровать, н на мгновенне подавленная усталость, внезапно всплыв, прижимала меня к постели, не было сил пошевелиться. Я откладывала на завтра чистку туфель, стирку халата. Мышцы мстили за совершенное над ними насилие. Я произносила вслух «Арезки», и слезы снова наворачивались на глаза.

Мне показалось, что Арезки несколько раз посмотрел на меня. Я старалась не поднимать глаз. Мадьяр часто улыбался мне. Он теперь вполне правильно выговаривал: «спасибо, простите, здравствуйте, дерьмо», — последнее слово он прнберегал для Берилье.

Вдруг Арезки оказался за моей спиной. Но тут подошел Жиль, и Арезки остановился.

— Мадемуазель Элиза, — сказал Жиль, — как дела? Порядок? Скажите, что это за история с потолками, еще три разрыва не отмечены.

Жиль внушал мне уважение. Несколько секунд он глядел на меня своим ясным проницательным взглядом.

И, наклонясь ко мне, добавил:

— В январе я добьюсь, чтоб вас перевели в контору.

Он поднялся на настил транспортера, оперся на капот проходившей машины и тяжело спрыгнул в проход.

Я бросила взгляд налево. Арезки созерцал свою отвертку. Я слышала стук собственного сердца. Я хотела бы отойти, будто н не жду его, но ноги не двигались. Он приблизился и быстро прокричал мне в ухо:

— Подождете меня вечером на остановке, как раньше? Только выходите попозже, в шесть двадцать, двадцать пять. Хорошо?

И тут же очень громко добавил:

— У машины, которая сейчас подойдет, порван пластик над зеркалом.

Машина прошла, приблизилась следующая. Мадьяр, выходивший из нее, взглянул на меня с недоумением: я стояла, как столб. Арезки, не дождавшись ответа, вернулся к тунисцам, натягивавшим пластик на потолке.

Чтоб растянуть время, я несколько раз помыла руки. Женщины убегали, даже не приводя в порядок лицо. Их ждала новая работа, наводить красоту для нее не было никакой нужды. Самые молодые, те, у кого было назначено свидание, производили свой «ремонт». Это и в самом деле напоминало ремонт. Девять часов завода разрушали самые гармоничные лица.

— Поскорей бы на пенсию... — вздохнула соседка, застегивая пальто.

Я запротестовала.

— А что, — сказала оиа, — разве уход на пеисню не иачало сладкой жнзни?

— Это будет конец вашей жнзнн.

— Ну н пусть. А сейчас что она такое, моя жизнь? Вечио бежишь, торопишься, работаешь. У меня, наконец, будет время, я смогу пожнть в свое удовольствие.

Часы у ворот Шуази показывали половнну. Арезки уже стоял в очереди, ио как-то сбоку. Я иаправнлась к иему. Ои сделал мне знак. Я поияла н встала вслед за ним. Появнлся Люсьен. Ои меия ие заметнл, а я сделала внд, что не вижу его. Он закурнл, н огонек осветнл костнстый высушенный профнль, почерневшнй от щетнны.

Мы попали в одии автобус. Выйти нз очереди было невозможно, он заметнл бы меня. Я стала, не оборачиваясь, пробираться вперед. Арезки ие обращал иа меня внимання. У Венсенских ворот, где сошло много народу, я оказалась рядом с ним. Он спросил, где я хочу выйтн, чтоб мы могли немного пройтись. Я сказала: «У Монтрейских ворот». Я высмотрела в предыдущне вечера улнцу, кншащую народом, где, как мне казалось, мы могли легко затеряться.

Он вышел, я следом за иим. Вндел ли иас Люсьеи? Эта мысль смущала меия. Мы перешли иа другую сторону, и Арезкн, разглядывая два соседннх кафе, спросил:

— Выпьем горячего чаю?

— Еслн хотнте.

Было битком набнто, шумио. Казалось, все диванчики заняты. Арезки прошел во второй зал. Я подождала у стойкн. Некоторые посетители разглядывалн меня. Я чувствовала на себе их взгляды и догадывалась, что они думают. Показался Арезки. Меня вдруг как громом поразнло: боже, до какой степенн он араб! Внешность иекоторых рабочих в цеху — светлая кожа, каштановые волосы — допускала сомиеиия. В тот вечер иа Арезки была не рубашка, а черный илн коричневый свитер, подчеркивавшнй его смуглость. Меня охватило смятенне. Я мечтала оказаться иа улице, в толпе.

— Мест иет. Но иичего, выпьем у стойки. Идите сюда.

Он подтолкиул меня в уголок.

— Чаю?

— Да.

— И я тоже.

Офнциант тороплнво обслужнл иас. Я дула иа чашку, чтоб проглотить поскорее свой чай. В зеркале, за кофейиой машиной, я заметила мужчнну в форменной фуражке служащего метро, который изучал меня. Он обернулся к своему соседу, складывавшему газету.

— А я, — сказал он иарочито громко, — я бы садаиул атомной бомбой по Алжиру.

Ои сиова поглядел на меня с удовлетвореиным вндом. Сосед с ним не согласился. Тот проповедовал:

— ...отправнть бы всех этих ратонов, живущих во Фраиции, в лагеря.

Я нспугалась, что Арезкн ие выдержит, и искоса взглянула на него. Ои сохранял спокойствие, — внешне, по крайией мере.

— Говорят, нас разобьют на бригады, — сказал ои мне.

Голос его был тверд. Ои получил эти сведения от Жнля и подробно растолковал мие все плюсы н мииусы. Я успоконлась. Я стала расспрашивать его, но прнслушнвалась не к его ответам, а к тому, о чем говорнлн людн вокруг нас. У меня создалось впечатлеиие, что, отвечая мне, н он тоже следил за разговорами.

Когда я шла к выходу, человек, который предлагал бросить атомиую бомбу, сделал шаг ко мие. К счастью, Арезкн был впереди. Ои ннчего не заметнл. Я молча отстраннлась и догиала Арезкн на улице с ощущеннем, что избежала скандала.

Рю-д'Аврон, мерцая, убегала в бескоиечиость. На несколько мниут нас поглотнлн внтрнны.

— Ну, — спросил ои иронннчески, — как поживаете?

— Хорошо.

— У вас последиие дни был иесчастный внд. Вы не болелн?

Смейся, смейся, Арезкн. Ты здесь. Ты рядом. И иа этой празднчной улице мне хочется рассказать тебе о господние Скрудже, об нидейках. Прекрасные сказочные мгновения. Хочется говорить только легкие, иевесомые слова, вызывающие улыбку.

— Вы должны извииить меия, я был заият последнне дни. Ко мне прнехали родствеииикн.

— Я думала, вы сердитесь. Вы со миой ие здоровались, ие прощались.

Он протестует. Ои кивал мие каждое утро. И разве это так важно? Нужно бы, сказал ои, как-нибудь назначить определенное место, где мы могли бы встречаться.

Я соглашаюсь. Магазииы попадаются все реже, Рю-д'Аврон мерцает все глуше, там, впереди нас, она темна, фоиарей почти иет. Переходнм на другую сторону. Арезки держит меия под руку, потом его рука проскальзывает за моей спиной и ложится мие на плечо.

— Я очень занят эти дии. Но в понедельник, например... Ваш брат вошел в автобус вслед за нами. Вы вндели его?

— Вндела.

— Элиза, — сказал ои, — может, перейдем на «ты».

Я отвечаю, что попробую, но, боюсь, ие смогу.

Едннствеииый мужчииа, с которым я на «ты», это — Люсьеи.

— Ну вот, — сказал он насмешлнво, — сейчас она опять будет рассказывать мие о брате...

Всю нашу первую прогулку, замечает он, я ни о чем, кроме Люсьеиа, ие говорила.

— Я даже задумался, в самом ли деле ты его сестра. Где мы можем встретиться в следующий понедельник?

— Но я не знаю Парижа.

— Этот район не годится, — заявляет он.

— Решайте сами, скажете мне в понедельник утром.

— Где? На конвейере? При всех?

— А почему бы нет? Другие же разговаривают друг с другом. Жиль разговаривает со мной, Доба...

— Ты забываешь, что я алжирец.

— Да, я забываю.

Арезки стискивает меня, трясет.

— Повтори. Это правда? Ты забываешь об этом?

Он пристально вглядывается в меня.

— Да, вы отлично знаете. Я не могу быть расисткой.

— Это-то я знаю. Но я думал, что тебя, как Люсьена и ему подобных, напротив, притягивает экзотика, тайна. Год тому назад...

Мы снова пускаемся в путь, он опять обнимает меня за плечо.

— ...я познакомился с одной женщиной. Я ее... да, я ее любил. Она каждый день читала в своей газете фельетон в картинках под названием «Страсть мавра». Он ей запал в голову. Тут еще примешались воспоминания о ее отце, который во время войны с немцами был подпольщиком.

Он замолкает. Мы подходим к людному месту, и рука Арезки меня стесняет. Я боюсь толпы. На двери газетного киоска вечерний выпуск возвещает: «Организация ФЛН в Париже обезглавлена».

Арезки прочел. Веки его дрогнули.

— Любят ли когда-нибудь из чистых побуждений? — сказала я сухо. — Приходится удовлетворяться...

— Это не для меня, — отрезал он.

Молча доходим до входа в метро.

— Нужно расставаться. Поздно.

Я сдерживаю чуть не сорвавшееся «уже?».

— Да, вы, должно быть, устали.

— Устал? Нет.

Это предположение ему не по вкусу.

— Имей в виду, — голос у него ласковый, — вот уже три дня я не ложусь из-за тебя.

И, видя мое удивление, поправляется:

— Нет, надо сказать: не сплю. Я хотел видеть тебя, но не мог. Я не хочу говорить с тобой на людях. Я подумывал передать тебе через брата, но решил обождать.

Прошла полицейская машина, громко гудя сиреной. Арезки отпустил мою руку. Машина не остановилась.

— Холодно. Пошли, пора возвращаться.

Он объяснил мне, где пересесть.

— Где вы живете?

Он ответил не сразу, потом сказал:

— Неподалеку от станции Жорес.

Я пожалела о своем вопросе. Я знаю, он солгал. Мы входим в вагон, садимся друг против друга. Он мне говорит только:

— Сойди здесь, перейди на линию Дофин, — и крепко пожимает руку, которую я ему протягиваю.

Следующее воскресенье я провела в кровати. Я долго спала. Где-то я вычитала, что сон делает женщину красивей.

В понедельник утром Мюстафа и Мадьяр опоздали. Мюстафа пришел первым и, подойдя к Бернье, подстерегавшему его, отдал честь по-военному. Весь гнев Бернье обрушился на Мадьяра. Но Мадьяр, державшийся все более независимо, отделался от него и залез в машину. Увидел меня и закричал: «О-ля-ля!», показывая на Бернье. Арезки работал довольно далеко и еще не поздоровался со мной. Пусть остановится конвейер! Мне необходимо посидеть, подумать спокойно. Но конвейер не останавливается, и мысли наплывают в такт движениям. Синкопированные страхи. Мелькает силуэт Арезки, я успокаиваюсь. Мне приятно, что мы с ним гребцы на одной галере.

Когда мы впервые в это утро оказались вместе, к нам подошел Мюстафа. Арезки отослал его под каким-то предлогом.

— Сегодня я не могу, — сказал он мне. — Отложим до другого вечера, да?

Маленький марокканец грубо оттолкнул меня. За ним стоял Жиль. Вернулся Мюстафа с ящичком гвоздей, опрокинул его перед носом Жиля и, не подумав собрать их, пристроился возле Арезки.

Тут в машину вошел наладчик.

— Это он, — сказал он, указывая на обернувшегося Мюстафу. — Я наблюдал за ним. Прибивая, он тянет материю, она рвется.

Жиль потеснил Мюстафу и отобрал у него молоток. Он внимательно осмотрел реборду, потолок и стал прибивать уплотнитель. Мюстафа ждал, наморщив нос и ругаясь по-арабски.

Жиль знаком подозвал наладчика:

— Ему приходится натягивать материю, чтоб она вошла под реборду, материя рвется... Вы кроите в обрез... Оставляйте на три-четыре сантиметра больше.

Мюстафа поднялся, насвистывая.

Жиль вылез, за ним наладчик.

— Ну так что мне делать? — закричал Мюстафа. — Продолжать или нет?

— Продолжай и старайся тянуть не слишком сильно.

И Жиль ушел.

Я была одна в машине. Арезки вылез несколькими минутами раньше. Я вышла из машины и обогнула ее. Мадьяр устанавливал задние огни. Коварная усталость пилой прошлась по мускулам икр. Я оперлась правой ру-